

ПОЧЕМУ ЗАБЫВАЮТ?

«Почему забыт Дружинин?» – спрашивал уже давно проф. Венгеров в своей статье о нём – единственной обоснованной фактами, какая о Дружинине была написана, – и ответил в духе своего мировоззрения: он не был в литературе учителем, какими были все русские писатели, имевшие влияние, и потому не забытые...

Но разве это так? Разве не забывают только писателей учительных? Нельзя понимать и «учительство» так узко. Учительна всякая большая личность сама по себе, своими, как выражается современная философия, внутренними «ценностями»: как личность, как явление, как событие, а не только своими активными учительскими стремлениями. Художник или критик, – всё равно: действительна только живая вода, только живое вызывает живое. Жизнь общественная есть прежде всего, жизнь личная, душевная, страстная, волнующаяся.

Дружинин забыт, потому что он был холоден. Душевная холодность сопровождается часто самовлюблённостью. И это было у Дружинина. Он был влюблён в свою европейскую безупречность, в свои «английские» манеры, в своё эстетическое равнодушие ко всему.

Век с англичанами, вся английская складка,
И также он сквозь зубы говорит,
И также коротко обстрижен для порядка...

Его повести (знаменитая «Полинька Сакс») затрагивали самые модные общественные темы, и никого не воодушевили, и их художественная бледность отражала внутренне равнодушие писателя. Он писал фельетоны на разные «злобы дня», но он брал их не глубоко и не метко потому, что они, в сущности, его не волновали. Он писал критические статьи, в которых высказывал не мало верных мыслей, но не углубил ни одной из них, – он скользил по взволнованному морю тогдашней русской жизни, и его эстетизм вовсе не был той, иной, противоположной господствующему утилитаризму верой, которая видела бы в искусстве жизненную задачу русской общественности и со страстью направилась бы «против течения». Жестоко сказать о человеке, давно ушедшем в прошлое, но он принадлежал, кажется, именно к тому числу писателей, о которых было сказано, что они «пописывают», а читатели их «почитывают».

Разве читатель в таком случае не справедлив? Разве не справедливо забыт Дружинин? Разве не справедливо забвение всех ему подобных в общественной памяти?

Взгляни: перед тобой играючи идёт
Толпа дорогою привычной,
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной...
А между тем из них едва есть один,

Тяжёлой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин,
Без преступления или утраты...

Так говорил великий поэт о читателях. Писатели, представители литературного ремесла, склонны притязать на внимание читателей – в такой степени, как будто литература, как таковая, всякое сказанное слово – есть уже какая-то непререкаемая ценность!

Пренебрежение к читателям, к публике – у нас до сих пор очень сильно. Писатели постоянно повторяют: «Публика ничего не понимает...» Разумеется, не понимает, так, как должны понимать писатели... А писатели – понимают? Если бы понимали, не обратили бы одного из нужнейших дел жизни в суету, – во что всё больше обращается литературное дело, – праздную, самолюбивую и тщеславную!

Конечно, публика не понимает в литературе так, как в ней могут понимать представители литературного ремесла и творчества, но у неё есть своё понимание, иногда очень жизненное, и потому гораздо действеннее писательского.

Сколько бы критики и историки литературы не убеждали публику в том, что такой холодный и самовлюблённый писатель, как Дружинин, не достоин забвения, они не введут его в общественное сознание, как, несмотря на все старания разных литературных гастронеров, не ввели в наш обиход тоже – в другом роде – холодного и мелочного Страхова, сколько бы он ни высказывал верных мыслей и каким бы академическим языком он ни писал. С другой стороны, – забвение такого критика, как Ап. Григорьев, объясняется и недоступностью его теоретических взглядов и тяжеловесностью их выражения, несмотря на всю их глубину и страстность его писательской манеры: и потому судьба Григорьева была трагична, но он и сам был повинен в этой судьбе. Ведь если бы читатели поверили в своё время Григорьеву, то оказалось бы, что Островский – величайший русский писатель после Пушкина и Гоголя, что самое ценное из всех созданий Пушкина – И. П. Белкин! Тем не менее, в равнодушии к Григорьеву виновны опять-таки писатели. Если бы давным-давно позаботились об издании его сочинений, или хотя бы переиздании первого тома, когда-то изданного Страховым: если бы он введён был историками литературы в общее сознание, – читатели, наверное, почувствовали бы, хотя уже и отвлечённо, на расстоянии ушедших десятилетий, этого большого человека, одного из самых характерных для нашей общественной души, бывшего близким другом Достоевского, по-видимому, влиявшим на него.

Выживает только жизнеспособное – это отвечают и на школьных экзаменах. А жизнеспособно в людской жизни то, что живо душевной взволнованностью, страстностью, любовью, которая всегда действенна, поэтому читатели и могут быть гораздо правее писателей.

Дружинин «забыт» справедливо; Ап. Григорьев не вполне справедливо. И в последней несправедливости публика виновна менее литературы. Так с

критиками, так и с поэтами. Вечный пример читательской «глупости» - забвение Тютчева было только временным. И здесь большая доля вины остается за литературой. Что сделала критика для известности Тютчева в 50–60 годах, кроме двух-трех беглых заметок? Что говорила об нем ещё недавняя наша история «новейшей» литературы – вспоминать неловко. Оценён ли и сейчас гений Герцена? Нет, мы все ссылались на цензурные запрещения! Есть ли у нас достойная критика даже о властителе стольких дум – Тургеневе? Нет, есть только влюблённость в него читателей. Есть ли у нас приличные биографии Лермонтова, самого Пушкина? Нет, – публика с колыбели наизусть знает самые сомнительные их «жития»!

Мы должны были вспомнить в этом году с почтительным чувством, что Дружинин высказал столько-то лет тому назад неглупые мысли о Фете или об Огарёве!.. Но прошло полвека – и у нас до сих пор нет дельного исследования поэзии – ни Фета, ни Огарёва; мы не имеем просто «истории литературы», в которой Дружинину было бы «отведено заслуженное место». – А мы все еще продолжаем презирать «чернь»!

Владимир Гиппиус.